

Е.В. Петухов

**Два года из жизни А.С.
Пушкина, 1824-1826**

Пушкин в селе Михайловском

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.В. Петухов**
Два года из жизни А.С. Пушкина, 1824-1826: Пушкин в селе Михайловском /
Е.В. Петухов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-518-01902-7

ISBN 978-5-518-01902-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться *avec se monstre, se fils dénaturé*. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ потому, что хотѣлъ бить! Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?

Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра“ (VII. 88) ¹⁾. Мать П-на всецѣло стояла въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ мужа, неограниченнымъ вліяніемъ на котораго пользовалась въ продолженіе всей своей жизни (ум. въ 1836 году, а Сергѣй Львовичъ въ 1848). Можно себѣ представить, что ожидало бы П-на, если бы обвиненію отца данъ былъ естественный ходъ. Но въ дѣло вмѣшался Жуковский и своимъ посредничествомъ дѣйствительно „спасъ“ поэта, который справедливо предполагалъ (въ черновомъ наброскѣ того же письма къ Жуковскому), что „шутка эта пахнетъ каторгой“: въ ноябрѣ того же 1824 года отецъ П-на со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

Но одиночество поэта оказалось неполнымъ. Въ трехъ

1) Въ то же время П. писалъ пековскому губернатору В. А. Адеркасу: „Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье своихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, прощительную старости и вѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рышаюсь, для его покоя и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволилъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей“ (VII. 89).

верстахъ отъ Михайловскаго лежало (какъ и теперь) село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой и ея семейству. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья Прасковьи Александровны, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла дѣтей — Алексѣя Николаевича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксію, а отъ втораго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери — Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени наѣзжали нѣсколько молодыхъ родственницъ хозяйки и между ними Александра Ивасовна Осипова (впослѣдствіи Беклешова), которой П. признавался въ любви (I. 328—329) и Анна Петровна Кернъ (рожд. Полторацкая), поразившая Пушкина въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ выѣздомъ его изъ столицы, своей красотой и возбудившая въ поэтѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщицья семья, жившая дружно и весело, вполне интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей П-ныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже тогда пользовавшагося значительной литературной извѣстностью, должно было возбудить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Въ началѣ знакомство съ Тригорскимъ повидимому не показалось для П-на особенно привлекательнымъ: въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ кн. В. Ѳ. Вяземской о „бѣшенствѣ скуки, которая пожираетъ его глупое существованіе“, а въ началѣ декабря того же года — сестрѣ Ольгѣ: „твои Тригорскія пріятельницы — несносны . . ., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сажу дома да жду зимы“ (VII. 93. 99). Но вскорѣ затѣмъ взглядъ его на сосѣдей измѣнился, и не только онъ былъ любимымъ и желаннымъ гостемъ въ

Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библіотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой Вандомскаго; видную роль въ этихъ развлеченияхъ играли конечно и литературныя шалости, большею частью любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ П. и которыми онъ наполнялъ семейныя альбомы Тригорскаго. Особенно замѣчательнъ между этими альбомами, составлявшими тогда необходимую принадлежность всякаго сколько-нибудь образованнаго семейства, былъ альбомъ хозяйки дома Прасковьи Александровны, описанный въ свое время покойнымъ М. И. Семевскимъ, которому русская біографическая литература многимъ обязана въ сохраненіи фактовъ интимной жизни П-на въ памятные годы его пребыванія въ Михайловскомъ: „въ теченіе цѣлаго полустолѣтія вписывалось сюда его обладательницею, дочерью ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства П. А. Осиповой съ этимъ альбомомъ“; въ него вошли произведенія Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго, стихи Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Козлова, Баратынскаго, барона Дельвига, Воейкова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Федора Глинки, Хомякова, Крылова, Плетнева, Гнѣдича, Языкова и самого Пушкина¹⁾. Въ этотъ альбомъ П., между прочимъ, вписалъ 25 іюня 1825 года, подъ впечатлѣніемъ мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки:

Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ
 Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
 Вздыхать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.

1) М. Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ. 1869 г., ноябрь, стр. 65—67.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
 Я буду мыслию всегдашней
 Бродить Тригорскаго кругомъ,
 Въ дугахъ у рѣчки, надъ холмомъ,
 Въ саду подъ сѣнью липъ домашней!

(I. 349—350).

И эту трогательную привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ П. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. „Повѣрьте мнѣ — писалъ онъ въ октябрѣ 1835 года Осиповой — жизнь при всемъ томъ, что она „сладкая привычка“, содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой она наконецъ дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское“, а два мѣсяца спустя — ей же: „когда я подумаю, что уже 10 лѣтъ прошло со времени тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ: сколько событий, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ взглядовъ, моего положенія и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ Вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою (VII. 388. 390).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское, исключая природы, представляютъ очень мало такого, что бы напоминало время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Время, обстоятельства и — правду сказать — наше собственное невниманіе къ памяти нашихъ великихъ людей стерли живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни П-на. Михайловское принадлежитъ теперь сыну поэта, отставному генералу Григ. А. Пушкину, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ лишь флигель, въ которомъ, говорятъ, жила няня поэта — знаменитая Аршна Родіоновна; вещей отъ П-на того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то имъ въ настоящее время владѣтъ баронесса

Соф. Бор. Вревская, родная дочь той самой Евпраксии Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за брата Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году П. посвятилъ граціозное стихотвореніе :

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! .

и которая, по мнѣнію П. В. Анненкова¹⁾, послужила оригиналомъ для созданія образа Ольги въ „Евгениі Онѣгинѣ“, подобно тому, какъ ея сестра Анна Николаевна считается прототипомъ Татьяны. Но сама владѣлица Тригорскаго теперь тамъ не живетъ, избравши для себя другое имѣніе, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Голубово, гдѣ въ ея семьѣ и до сихъ поръ свято хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы „Онѣгина“ изд. 1828 года, съ собственноручной надписью П-на для Евпраксии Николаевны: „твоя отъ твоихъ“²⁾. Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, видѣвшихъ Пушкина собственными глазами, осталась теперь лишь одна Екатерина Ивановна Фокъ, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребыванія поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни³⁾.

Та среда, въ которой вращался П. въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловскомъ явился П. послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумной и празднично-разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, среди компаніи случайныхъ людей съ безсемеиннымъ и свободнымъ образомъ жизни, то легко себѣ представить, какое благотворное вліяніе могла

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279.

2) В. Острогорскій. Пушкинскій уголокъ земли. Миръ Божій 1898, сентябрь, стр. 204—207.

3) Острогорскій, стр. 227—228.

имѣть эта среда на поэта, впечатлительная и воспримчивая натура котораго всегда, до послѣднихъ дней своей жизни, искала и высоко цѣнила тѣ духовныя блага, которыя можетъ дать человѣку хорошая семья — тѣмъ болѣе, что собственная семья П-на, особенно въ данную эпоху, представляла для него въ этомъ отношеніи болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ сторонъ. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ цѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостями-родственниками, могло только самымъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на П-на, обуздывать его порывистыя страсти, возбуждать къ поэтической дѣятельности и предоставлять ему вполне чистую въ нравственномъ отношеніи атмосферу для отдыха и развлеченія отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая впрочемъ была непостоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго изъ прежнихъ товарищей П-на и гостей собственно П. А. Осиповой.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на юридическомъ факультетѣ). Почти каждыя вакаціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для П-на интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начитанности и серьезности. Едва проводивъ А. Н. Вульфа, П. 20 сентября 1824 года уже писалъ ему въ Дерптъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ порою,
 Пострѣлять изъ пистолета!

Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета:
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы,
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены. (VII. 85)

Но что время у пріятелей проходило не въ однихъ описанныхъ тутъ развлеченияхъ, это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній П-на о Вульфѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ: „въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ . . . Онъ много зналъ, чему научиться въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной провѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ . . .“ (V. 186).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ выработкѣ неудавшагося плана П-на бѣжать за границу. П., которому такъ и не удалось въ своей жизни повидать чужіе края, постоянно однако же лелѣялъ мечту о побѣдкѣ своей за границу, которая манила его воображеніе широкой свободой общественной жизни и своими литературными и культурными центрами. Еще будучи въ Одессѣ, онъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Льву Сергѣевичу, что не прочь бы, послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ за границу, на которыя послѣдовалъ отказъ, „взять тихонько трость и шляпу и побхать посмотрѣть на Константинополь“ (VII. 68).

Въ Михайловскомъ, не смотря на близость Тригорскаго и непрерывавшіяся поэтическія труды, онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкій кругъ и при условіяхъ болѣе строгаго наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія и опасеніе провести лучшія годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлекается мыслию о путешествіи за границу. Подъ вліяніемъ этой мечты П. весной 1825 года проситъ Жуковскаго похлопотать о дозволеніи ему поѣхать за границу для лѣченія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ Государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу П-на какимъ-то новымъ письмомъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе П-ну лѣчиться и жить на это время въ Псковѣ, съ тѣмъ чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами¹⁾. Такой оборотъ дѣла, совершенно обманувшій ожиданія поэта, лишилъ его всякой охоты воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ переѣхать для лѣченія въ Псковъ, о чемъ онъ, между прочимъ, такъ извѣщалъ Жуковскаго лѣтомъ того же 1825 года: „Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго²⁾, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученномъ свѣтѣ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей. Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность Его Величества“ (VІІ. 136).

Послѣ этого П. сталъ уже думать о тайномъ побѣгѣ за границу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Повидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался П-нымъ одновременно съ вполне легальными его

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

2) Всеволодова.

попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться за границу, на успѣхъ которыхъ онъ мало рассчитывалъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи П. былъ неостороженъ и проговаривался о своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ ходили въ Петербургѣ, о чемъ съ досадою писалъ П. брату Льву Сергѣевичу еще въ декабрѣ 1824 года: „миѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; за чѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!“ (VII. 97).

Последнее замѣчаніе, разумѣется, было неискренно и объясняется желаніемъ П-на отклонить всякія подозрѣнія о побѣгѣ, такъ какъ около того же времени П. кому-то писалъ въ одномъ черновомъ писемѣ: „стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ“¹⁾. Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ прощается съ родными мѣстами передъ побѣгомъ (I. 333). Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года П., послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія лѣчиться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о поѣздкѣ за границу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. Н. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который впрочемъ посвящена была и П. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила „коляска“, будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ, и судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое П-нымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго „цензора“ должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

власти относительно П-на, подъ замѣтками „наборщиковъ“ — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ ¹⁾). А хлопоты въ Дерптѣ заключались главнымъ образомъ въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой поѣздкѣ П-на знаменитаго тогда хирурга профессора Дерптскаго университета П. Ф. Моёра, который бы могъ замолвить слово о П-нѣ передъ маркизомъ Паулуччи: для свиданія съ хирургомъ П. могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими хлопотами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ къ Государю весной 1825 года: именно, на Моёра сталъ дѣйствовать Жуковскій, бывший его родственникомъ и другомъ, и, не посвященный въ тайну, имѣя въ виду лишь предполагаемую болѣзнь П-на, просилъ Моёра пріѣхать въ Михайловское осмотрѣть П-на и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями П-на, который вовсе не расположенъ былъ принимать доктора въ Михайловскомъ, а напротивъ самъ рвался оттуда и съ досадою писалъ Вульфю: „друзья мои и родители вѣчно со мной проказать: теперь послали мою коляску къ Моёру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ.

Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“ (VII. 158—159). Въ томъ же смыслѣ, т. е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ П-нъ и самому Моёру (VII. 142) и Жуковскому, при чемъ бѣдному поэту приходилось всячески хитрить, увѣрять въ полной ненадобности операціи или въ томъ, что „операція аневризма ничего не значить“, и что „первый псковскій коноваль съ нимъ могъ бы управиться“; „все равно — прибавлялъ онъ — умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Погодимъ, авось-либо царь что-нибудь рѣшить въ мою пользу. Посидимъ у моря, пождемъ погоды“ (VII. 150. 163).

1) Анпенковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Соч. П-на VII. 158. 164.